

Макс НЕВОЛОШИН

Макс Неволошин родился в Самаре. Работал учителем средней школы; после защиты кандидатской диссертации по психологии занимался преподавательской и научно-исследовательской деятельностью в России, Новой Зеландии и Австралии. Публиковался в «Новом журнале», «Юности», «Дружбе народов» и др. Автор трёх сборников прозы: «Шла шаша по соше» (2015), «Срез» (2018) и «Где сидит фазан» (2024). С 2003 года живёт и работает в Сиднее. В «Волге» печатались рассказы (2016, 2020, 2022).

ФИЗИКА

Рассказ

В школе у меня было трое друзей. Они, слава Богу, живы, порой мы обмениваемся новостями. А в те нездоровые годы... мне трудно представить себя без них. Они – единственное, что делало школу хотя бы чуток выносимой. Десять лет мы выживали, как мушкетёры, спина к спине. Юденич, Серёга Юдин, годился на роль Портоса. Крепкий, надёжный парень, спортсмен, умелец начистить кому-нибудь репу. Аркаша Яцековский, Яцек – остроумец, ловелас, типичный Арамис. Первый в компании, кто обзавелся усами и девушкой. И не одной. Эдик – условный Д'Артаньян, выдумщик каверз, искатель приключений на свой и чужие зады. Ну, а я по умолчанию – Атос, ибо все остальные места уже заняты.

Жили мы в захолустном районе провинциального города. Быков и шпаны как грязи, кто в теме – поймёт. При этом нас трогали редко – буллить изгоев удобнее. Даже поврозь не лезли: заденешь одного – врагов сразу четверо. Кому оно надо? Со временем прилетит от Юденича в глаз или на футболе случайно по колену. Или Яцек сострит на публике так, что век не отмоешься. Или Эдик сочинит подляну, он на это мастер. В общем, проблемы со всех сторон.

Однажды Юденича избил старшекласник, здоровый такой бычара. Драка была за школой, один на один. Эдик придумал месть: насрать ему в сапоги. Мы исполнили это вдвоем, друзьям не сказали. На физре зашли в раздевалку, вычислили его говнодавы. Тогда шпана понтовалась в литых сапогах с отворотами. Вот мы и нажурчали в самые большие. Тот урод, возможно, понял, чьих органов дело, только ему стало не до нас. Он из альфы сразу превратился в чмошника. А таких его стая рвёт.

В другой раз однокласник наехал на Яцека из-за девчонки. Встретил его в подъезде, ещё двое с ним. Как там вышло и что – неизвестно, Яцек молчал, типа, сам разберусь. Но Эдик решил иначе. Купил на базаре живых опарышей в спичечном коробке, их продавали для рыбаков. Приоткрыл – жирных, беленьких, незаметно сунул врагу в портфель. Было прикольно и малость вонюче. Парня два года звали Опарышем, с восьмой по десятый класс. И с девушками – беда.

Серьёзно поссорились мы только раз, зимой выпускного года. Нас с Юденичем позвали на какой-то сейшен, а Эдика с Яцеком – нет. Я даже не подумал отказаться. Какие обиды, что за детский сад? Есть общие компании, есть разные, мало ли кого куда зовут. Я думал так лет тридцать. Но вот однажды нас с женой забыли пригласить кое-куда. В компанию бывших уже приятелей. Всех пригласили, кроме нас. С этой точки открылся совсем другой вид.

Вернёмся: девушки, вино, цветная музыка... Танцы переходят в обжимашки по углам. Только Яцек с Эдиком узнали, где мы. Явились, позвонили, вызвали меня.

– Пойти с тобой? – спросил Юденич.

– Не, справлюсь.

Стоят на лестничной площадке – злые, трезвые. А я пьяный и добрый такой зайчик. «Классно, что пришли, сейчас зайдете, выпьем, всё решим...» Они на нервах были, стали оскорблять. Короче, слово за слово... вдруг – хлесть! Лицо звенит от боли. Яцек навесил мне плюху! Я не ждал такого, отмахнулся кое-как. Попало вскользь, терпимо, но обидно. Он вообще-то редко дрался, умел словами обойтись. Хорошая семья, интеллигентный этнос, о книгах с ним, подонком, говорили...

Второй раз он бить не стал, да и первый вряд ли хотел. К ответке изготовился. А у меня рука не поднимается буквально. Столбняк, губа опухла, во рту кровь. И будто не со мной всё это происходит... Тут выскочил Юденич, ещё кто-то. Те мигом ломанулись вниз.

Шесть месяцев мы их не замечали, а они – нас. До выпускных экзаменов. Мне этот спектакль давался тяжело. Эдику – тоже, я видел, мы с ним были родственные души. С Юденичем почти не обсуждали тему ссоры. Но как-то, помню, он сказал про Яцека:

– Не могу понять. Ты его простил, что ли? Допустим, тогда растерялся, ладно, но ответить же никогда не поздно. Я помогу, если что... хотя нет, так нельзя. Вот как мы сделаем. Я его вызову и честно дам в бубен. А ты будешь курить и смотреть.

– Ну-у, блин... Ты за кого меня держишь?

– За чистюлю и ссыкло. Которого я зачем-то называю своим другом.

Я не знал, как ему объяснить... Враньё. Еще раз. Я не знаю, как это себе объяснить. Может, я от природы слабак и трус. Или прочёл слишком много ненужных книг. Только мне непросто ударить человека. А друга – вообще никак, шлагбаум в голове. Есть такие запреты внутри, ниоткуда. Категорический императив. Например, спать с женой друга нельзя – при любых идеальных условиях. Бить друга нельзя, даже когда он ударил тебя... Они не у всех одинаковые, вот где проблема.

– Нет, – сказал я, – не могу. Был бы не Яцек, а кто-то другой...

– Был бы кто-то другой, я б с тобой и разговаривать не стал. Отмудохал бы по-быстрому, и всё.

Июнь, жара, экзамены. Прощальный болезненный пендель от школы. От детства. Лето, рядом Волга, а надо готовить шпаргалки по физике. Выучить нереально, особенно электричество. Юденич сдавал утром, я – после обеда. Шпоры, соответственно, писали пополам. Вечером он забрал мои, в полдень отдал весь комплект. Сияет – отбомбился на четверку! «Только я один билет пропустил, – говорит, – девятый. Длинный, не уместится, и формул слишком много. Ну, дай Бог, не вытянешь».

Ага. Мне бы в лотерею так везло. Билет 9. Электромагнетизм, мать его...

Думаю, выглядел я как барашек перед шашлыком. А Яцек скучает напротив, в соседнем ряду. Он своё давно написал, лучшим был в классе по физике. После школы в МФТИ открыл дверь ногой. Сейчас – начальник кибербезопасности в московском банке. И у нас происходит немой диалог.

– Что у тебя?

– Электромагнетизм.

– Другой вопрос знаешь?

– Нет.

– Охренеть... Пиши оба. И задачу!

Он дожидался меня в коридоре.

– Ну?

– Пять баллов. Спасибо тебе.

Он протянул руку.

– Мир?

– Мир.

Перед выпускным накидались в подвале у Эдика. У него там светло, диванчик, закуски. Лучший день за семнадцать лет, два праздника на четверых. Пили водку, «Агдам» – не брало. Счастье накрыло непробиваемое.

– Зря я тогда психанул, – сказал Яцек. – Хочешь, дай мне в морду. Чтобы у нас было ровно.

– Нет уж, мучайся дальше, – ответил я.

Потом вышли в люди. Дискотека до утра, хлопушки, шарики, кружевные фартуки слепят... туалет, опять вино. Ничего не помню. Нет, помню, отлучились бить окна математичке. Четвертый этаж, не попали, а жаль. Дальше – рассвет на Волге... Фотоальбом. История.

Недавно я осознал, что больше мы не встречались полным составом. Втроём они – да, лет десять назад. Есть снимки. Я их избегаю смотреть. Я сейчас на стадии «может быть, когда-нибудь...», медленно переходящей в «никогда».